

ПРАВО НА ДОСТУП К СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА: АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Р. А. СЕРЕДА,

*канд. юрид. наук, доц., зам. начальника кафедры конституционного
и международного права учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Современные тенденции построения цифрового общества предполагают существенную трансформацию социального восприятия и правового регулирования многих аспектов жизни человека. Доминирующие транснациональные компьютерные и программные компании Большой пятерки¹ все чаще заявляют о перспективах построения в ближайшем будущем цифровой Метавселенной, которая станет суммой реального и виртуального миров, выведет существование человека на новый уровень.

На этом фоне остро встают вопросы о правовом регулировании статуса человека в новых цифровых условиях, среди которых, на наш взгляд, центральное место займет процесс конституционализации первичного права человека на доступ к глобальной сети Интернет (далее – право на Интернет), как среде реализации цифровых прав в условиях Метавселенной.

Вопросы теоретического осмысления права на Интернет до сих пор остаются малоизученными, несмотря на то, что на международном уровне уже предприняты первые шаги по правовому оформлению данного права. Это объясняется тем, что Интернет по своей сути является транснациональной средой, не подверженной централизованному государственному регулированию, а нуждающемуся в международно-правовом определении.

Изначально право на Интернет рассматривалось в качестве одного из способов реализации общепризнанного права человека на свободу мнений и их свободное выражение, а также на получение информации, не выделяясь в качестве самостоятельного субъективного права. Данная позиция была изложена в первых международных актах, касающихся развития цифровой среды. Так, возможность доступа каждого человека к информационным и коммуникационным сетям провозглашалась в п. 10 Окинавской хартии Глобального информационного общества, принятой в 2000 году [1]. В дальнейшем, указанное положение получило развитие при принятии Декларации

¹ Google, Amazon, Apple, Meta, Microsoft.

принципов информационного общества 2003 года, где закреплялась необходимость работы над расширением доступа к информационным и коммуникационным инфраструктурам и технологиям, а также к информации в целом [2]. Данной точки зрения придерживается и профессор Е.Ф. Довгань, которая рассматривает право на Интернет, как онлайн-форму права на доступ к информации и ее распространение [3].

По мере расширения сети Интернет и ее проникновения в различные сферы общественной жизни стали появляться мнения о необходимости признания доступа в Интернет в качестве самостоятельного права человека. Так, в 2011 году специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франк Ла Ру утверждал, что доступ в Интернет является незаменимым средством для реализации естественных прав человека [4], что в дальнейшем нашло отражение в резолюциях Совета по правам человека ООН 2016 и 2018 годов «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». В указанных документах отмечалось, что те же самые права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться в онлайн-среде, в частности свобода выражения мнений, которая применима независимо от границ и в рамках любых выбираемых человеком средств массовой информации.

Следует сказать, что ряд зарубежных стран уже пошли по пути закрепления рассматриваемого права на уровне национального законодательства. Так в конституции Непала Интернет провозглашен в качестве одного из средств массовой информации, которые не могут быть закрыты, изъяты или лишены регистрации в связи с произведенными публикациями. Во Франции, Коста-Рике и Эстонии право на доступ в Интернет признается неотъемлемым правом человека.

В Республике Беларусь право на доступ в Интернет прямо не декларируется, а рассматривается в качестве формы реализации конституционного права на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, а также свободы мнений, убеждений и их свободное выражение. Вместе с тем, целый ряд законодательных актов уже оперирует терминами «интернет-ресурсы», «интернет-услуги», «национальный сегмент сети Интернет», а также регулирует вопросы пользования соответствующими возможностями.

Таким образом, можно прийти к выводу, что право на Интернет можно рассматривать не только как форму реализации классических информационных прав человека, но и как самостоятельное право, требующее как правового закрепления так и позитивного обеспечения со стороны государства.

Так белорусский исследователь Морозов Л. В. полагает, что уже сегодня можно говорить о сформировавшемся личном (естественном) праве на Интернет как кардинально новой возможности искать, получать и распространять информацию [5]. Российский ученый А. Хуснутдинов также считает, что право на доступ в Интернет вполне может быть признано новым универсальным правом, неотъемлемым атрибутом социализации и перестанет рассматриваться конституционалистами в качестве «приложения» к праву на информацию [6].

Однако по нашему мнению, признание права на доступ в Интернет в качестве неотъемлемого субъективного права на международном и национальном уровне является несколько преждевременным по ряду причин.

Во-первых, несмотря на широкую распространенность интернет-пространства, само право на доступ к нему нельзя ставить в один ряд с основополагающими и жизненно-важными правами человека, закрепленными в международных стандартах и национальных конституциях. Подобный шаг приведет к неоправданному размыванию гуманитарных ценностей, борьба за признание и правовое закрепление которых велась на протяжении веков. Как отмечает координатор ETC Group Нет Даньо «если интернет признают правом человека, правительства могут столкнуться с дилеммой: им придется обеспечивать доступ к нему прежде, чем будут удовлетворены первичные жизненные потребности. Правительства не могут ставить интернет выше электричества, еды или образования» [7].

Во-вторых, провозглашение права на интернет-доступ послужит катализатором процессов переноса политических, социальных и гуманитарных институтов в цифровое пространство. При этом презумпция возможности доступа к сети Интернет может подтолкнуть регуляторов в данных сферах к отказу от традиционных форм реализации таких прав человека, как право на образование, получение информации, обращение в органы власти и др. Вместе с тем, согласно данным ООН, 37 % населения Земли никогда не пользовались Интернетом [7], а даже в самых технологически развитых странах есть слои населения, которые не имеют такой возможности в силу недостаточного уровня технической грамотности или имущественного положения. В итоге мы можем столкнуться с явлением технологической дискриминации, когда реализация основополагающих прав человека будет ставиться в зависимость от доступа к интернет-среде.

В-третьих, на наш взгляд, реализация концепции свободного и гарантированного доступа в Интернет может поставить под угрозу информационную безопасность государства и, как максимум, – государственный суверенитет. Дело в том, что провозглашаемая сторонниками гарантированного

права на Интернет концепция free flow (свободный поток) исходит из идеального восприятия Интернет среды, как свободного пространства, где каждый имеет равные возможности на получение информации, ее создание и выражение своих взглядов.

Следует отметить, что в начале XXI века такая позиция имела право на жизнь, поскольку в то время Интернет-среда действительно являлась альтернативным местом общения и обмена информацией сравнительно небольшого круга людей, имеющих технические возможности и навыки по ее использованию. Трансграничность и политическая независимость цифрового пространства воспринималась тогда как возможность воплотить в жизнь либеральные идеи о истинной свободе человека в информационной сфере, что даже породило самостоятельное движение интернет-либертарианства.

На сегодняшний день мы сталкиваемся с ситуацией, когда массовое распространение Интернет-пространства на многие государственные и социальные институты переводит его из разряда средства коммуникации в разряд инструмента политической борьбы. Локальный суверенитет владельцев крупных интернет-ресурсов по регулированию определенной сферы общественных отношений начинает соперничать с государственным суверенитетом. Зародившаяся в интернет-среде культура «отмены»², сегодня переросла из категории интернет-буллинга, в инструмент политического влияния.

Примером могут служить действия влиятельных интернет-ресурсов Facebook, Twitter и Google, которые в январе 2021 года заблокировали аккаунты экс-президента США Дональда Трампа под предлогом возможных призывов к насилию и непризнанию прошедших выборов [8]. В феврале-марте 2022 года эти платформы ограничивали доступ к своим ресурсам с территории Российской Федерации, объясняя это не только коммерческими но и политическими мотивами. А американская компания Meta Platforms временно сняла запрет в принадлежащих ей соцсетях Facebook и Instagram на призывы к смерти в отношении россиян, обосновав это особой формой политического самовыражения [9].

Таким образом, сфера влияния Интернет-пространства переходит на публично-правовой уровень, оказывая воздействия уже не только на политику отдельных государств, а на геополитические процессы в целом. И в случае признания права на доступ в Интернет неотъемлемым и гарантируемым правом, государственная власть и официальные СМИ вынуждены будут вступать в неравное противоборство с мощным потоком информационного

² Тотальное социальное и коммерческое бойкотирование в информационной среде, травля отдельных лиц и компаний за поддержку либо несогласие с социальными или политическими взглядами и позициями.

воздействия из Интернет-источников. Данное обстоятельство, на наш взгляд, не только несет угрозу информационному суверенитету страны, но и затрудняет реализацию международно-правового принципа невмешательства во внутренние дела государства. На это обстоятельство указывают российские исследователи Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е., Несмеянова С. Э., которые вполне обоснованно увязывают серию массовых беспорядков и попыток государственного переворота в странах Африки и ближнего Востока («арабскую весну») с распространением в этих странах Интернета и преодолением лидирующей роли государства в вопросах распространения информации [10].

В-четвертых, если доступ в Интернет рассматривать как самостоятельное право, то необходимо нормативно предусмотреть и систему гарантий от злоупотребления данным правом с точки зрения условий и пределов его ограничения в соответствии со ст. 23 Конституции Республики Беларусь.

Существующие ограничения в сфере использования Интернет-ресурсов в Республике Беларусь связаны с лишением доступа к определенным информационным источникам недопустимого содержания. При этом остается открытым вопрос о возможности ограничения права отдельного человека на доступ в Интернет. Такое ограничение может выступать в качестве санкции за злоупотребление правом на Интернет, либо как мера по профилактике противоправного поведения.

На международном уровне регулирования данного вопроса пока нет единого мнения. Упомянутый выше докладчик ООН Франк Ла Ру считает, что отключение пользователей от интернета, независимо от аргументации, должно рассматриваться как непропорциональная мера и нарушение свободы выражения [4]. В практике Европейского Суда по правам человека вопрос о доступе к интернету был впервые предметом изучения в 2012 году. В решении по делу «Йылдырым против Турции» ЕСПЧ отметил, что «право беспрепятственного доступа к Интернету следует также признать» [11].

С другой стороны, «Руководство по правам человека для Интернет-пользователей», принятое в рамках Совета Европы, закрепляет допустимость отключения от Интернета против воли лица в случаях, когда такое решение принято судом [12].

Законодательство Республики Беларусь пока не содержит норм по запрету на доступ в сеть Интернет в качестве меры санкционного или профилактического характера. Близкую по смыслу норму можно увидеть в ст. 123-1 УПК Республики Беларусь, в которой в качестве меры пресечения предусмотрен запрет использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет. Однако, на наш взгляд, данная мера преследует иные цели – предотвращения совершения лицом действий, препятствующих производству по уголовному делу.

Полагаем, что в условиях тенденций по признанию права на доступ в Интернет в качестве самостоятельного права, вопрос о закреплении возможности его персонифицированного ограничения вполне оправдан. Когда виртуальное пространство становится средой противоправной деятельности, то профилактические меры должны быть направлены не только на саму среду (информационные ресурсы) но и на пользователей, злоупотребляющих правом нахождения в данной среде. Аналогичную по духу санкцию содержит ст. 6.11 КоАП Республики Беларусь, предусматривающая временный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений во время проведения спортивно-массового мероприятия для лиц, совершивших отдельные правонарушения, препятствующие нормальному проведению данного мероприятия.

Бесспорно, следует согласиться с тем, что лишение права на Интернет значительно повлияет на возможность комфортной реализации человеком своих прав в сфере получения информации, трудовой деятельности, общения и поддержания социальных связей. Вместе с тем полагаем, что при наличии альтернативных традиционных способов реализации указанных прав (бумажные почтовые отправления, проводная телефонная связь, оплата услуг наличными деньгами и т.п.) ограничение доступа к сети Интернет не повлечет умаления иных фундаментальных прав, а лишь исключит одну из форм их реализации.

Кроме того, рассматриваемое ограничение в качестве санкции должно быть обусловлено совершением лицом соответствующих общественно-опасных действий, при которых доступ в Интернет выступает средством и способом достижения противоправных целей (хищения с использованием компьютерной техники, мошенничество, сексуальные преступления, распространение экстремистской информации, призывов к насильственным действиям и т.п.). Таким образом, данная мера будет выступать как адекватный способ защиты интересов общества и государства и недопущения совершения указанных действий лицом в будущем. Можно провести аналогию с уже существующим уголовным наказанием, связанным с лишением права заниматься определенной деятельностью, которое направлено на достижение похожих целей.

Таким образом, закрепление права на Интернет в качестве конституционного права является современной тенденцией развития цифрового общества. Выступая изначально как способ реализации иных традиционных прав человека, доступ в Интернет переходит в разряд самостоятельного права, претендующего на юридическое признание.

Вместе с тем полагаем, что рассматриваемое право на Интернет пока не доросло до уровня фундаментальных прав человека, требующих самостоятельного закрепления на международном или конституционном уровне,

а должно рассматриваться в качестве дополнительной возможности на более быструю и комфортную реализацию классических прав на свободу выражения мнений и получение (распространение) информации.

Провозглашение и закрепление рассматриваемого права в качестве неотъемлемого, принятие обязательств по всецелому охвату общества доступом в сеть Интернет, в современных условиях может создать почву для информационной интервенции и криминализации цифрового пространства, что требует создания эффективной системы гарантий по недопущению злоупотребления данным правом. Одной из действенных мер по такому гарантированию, на наш взгляд, должна стать возможность ограничения либо лишения права на Интернет для лиц, которых используют возможности глобальной сети в качестве орудием или средством совершения преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окинавская хартия Глобального информационного общества : принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 года [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170>. – Дата доступа: 06.12.2022.
2. Декларации принципов информационного общества : Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12.12.2003 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf. – Дата доступа: 06.12.2022.
3. Довгань, Е. Ф. Информационные права личности в контексте обеспечения безопасности государства / Е. Ф. Довгань // Информационная революция и вызовы новой эпохи – стимулы формирования современных подходов к информационной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 29-30 нояб. 2018 г.): в 2 т. / Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, ГУО "Ин-т нац. безопасности"; [редкол.: С. Н. Князев (гл. ред.) и др.]. – Минск, 2019. – Т. 2. – С. 75–79.
4. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю, 16.11.2011 [Электронный ресурс] : Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opensslpdf.pdf?reldoc=y&docid=50f3db872>. – Дата доступа: 01.11.2022.
5. Морозов, Л. В. Право на Интернет / Л. В. Морозов // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика : сб. материалов II Междунар. заоч. науч. конф., (Могилев, 19 мая 2017 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, УО "Могилевский ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь" ; [редкол.: В. Е. Бурый (отв. ред.) и др.]. – Могилев, 2017. – С. 356–358.
6. Хуснутдинов А. Право на доступ в Интернет – новое право человека? / А. Хуснутдинов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 4(119). – С. 109–123.
7. Интернет как основное право человека [Электронный ресурс] : Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). – Режим доступа: https://www.rapsinews.ru/incident_publication/20220314/307789754.html. – Дата доступа: 17.11.2023.

8. Facebook заблокировал Трампа на 2 года : Euronews. – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2021/06/05/trump-suspended-from-facebook>. – Дата доступа: 11.11.2023.
9. Meta объяснила снятие запрета на призывы к смерти россиян в Facebook и Instagram : Lenta.ru. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/03/11/meta/>. – Дата доступа: 11.04.2022.
10. Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е. Несмеянова С. Э. Пра во на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации / А. Н.Мочалов, Н. Е. Колобаева, С. Э. Несмеянова // Антиномии. – 2021. – Т. 21, вып. 3. – С. 135–163.
11. Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» (жалоба N 3111/10) [Электронный ресурс]: Постановление Европейского Суда по правам человека от 18.12.2012 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО "Консультант Плюс". – М., 2022.
12. Руководство по правам человека для Интернет-пользователей: юридические инструменты [Электронный ресурс]: рекомендация CM/Rec (2014)6 принята Комитетом министров 16.04.2014. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/guide-to-human-rights-for-internet-users-russian-/1680768065>. – Дата доступа: 01.11.2022.